

О возможных источниках поэмы «Песнь Солнценосца» и стихотворения «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...» Н. Клюева: лекции А. Белого «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», «Александрийский период и мы в освещении проблемы “Восток или Запад”» и «Творчество мира»

Революционные и пореволюционные годы — это наиболее напряженное и плодотворное время диалога А. Белого и Н. Клюева. Можно обозначить контуры концептосферы, которая является общей для них в этот период. Концепты *жертвы, сораспятия, тайны, словесного древа, солнца нового мира, очистительного пожара, России-мессии, единства разных культур* объединяют прозу и поэзию этих двух, на первый взгляд, совершенно не схожих авторов.

Очевидно, что новокрестьянские поэты пришли в литературу со своим художественным языком и определенным комплексом смыслов. Однако творческий поиск Андрея Белого оказывается не только созвучен мировоззрению Клюева, но, в известной степени, его формирует. Здесь перед нами встает сложная задача — проследить этапы этого формирования, учитывая также и то, что сам Белый видел в творчестве Клюева источник вдохновения.

В январе 1918 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Н. А. Клюев <...> все более и более, как явление единственное, нужное, необходимое, меня волнует: ведь он — единственный народный Гений (я не пугаюсь этого слова и готов его поддержать всеми доводами внешне-

го убеждения)» [Белый — Иванову-Разумнику 1998: 148]. Знакомство Клюева и Белого состоялось в период с 30 января по 6 февраля: это устанавливается по дневниковым, ретроспективным записям поэта-символиста, а также по комментарию Иванова-Разумника к письму от 26 января 1917 г.: «АБ пробыл у Р. В. и В. Н. Ивановых в Царском Селе с 30 января по 8 марта 1917 года» [Цит. по коммент. к письму: Белый — Иванову-Разумнику 1998: 93]. Об этом периоде Белый писал в «Ракурсе к дневнику» так: «...Знакомство <...> с Есениным, Клюевым...» [РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100: 84 об.]. Дневниковые записи писателя помогают сузить временные рамки. Запись 1–6 февраля 1917 г. говорит следующее: «...Встречи с поэтом Клюевым...» [НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1]. Под этой же записью значится: «Царское село. Работаю над “Жезлом Аарона”». Как известно, Белый здесь имеет в виду статью «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», которая была опубликована в первом выпуске альманаха «Скифы». С. И. Субботин, работавший над проблемой творческих контактов Клюева и Белого, делает вывод о безусловном влиянии Клюева на развитие творческой мысли Белого в статье «Жезл Аарона» [Субботин 1988: 390–391].

Исследователь полагает, что смысловое поле статьи «Жезл Аарона» восходит к беседам Клюева и Белого в феврале 1917 г.: «...Беседы поэтов друг с другом и знакомство Белого со стихами Клюева, предназначенными (как и работа Белого) для публикации в первом сборнике “Скифы”, дали обильный материал для подкрепления уже сформировавшихся ранее тезисов беловского трактата и послужили стимулом к рождению у Белого новых мыслей и теоретических идей» [Субботин 1988: 391–392]. С точки зрения С. И. Субботина, это идеи о «глубинности народно-поэтического слова», об «утраченном первородном дыхании художественного слова», о «корневой силе звука». Этот вывод представляется несколько спорным.

С. И. Субботин в качестве доказательства версии, что взгляды Белого окончательно оформились под влиянием Клюева, приводит

строки из стихотворения «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...», написанного до встречи двух поэтов:

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!» таится полужук
<...>
Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг!
[Клюев 1999: 295–296].

Действительно, Белый в статье «Жезл Аарона» пишет о житнетворческой природе звука: «...В звуке слова — душа; одушевление данного мира в творимой действительности невозможно вне слова» [Белый 1917: 160]. Здесь надо помнить, что Белый и в лекции, и в статье транслирует свои эстетические представления 1900-х гг. Если обратиться к его работе 1909 г. «Магия слов», то мы увидим тот же спектр смыслов. Здесь Белый обосновывает свое представление о том, что в слове дано «первородное творчество», а теургия заключена в звучащем поэтическом слове и, из него произрастая, становится творческой силой, преобразующей мир: «В звуке воссоздается новый мир, в пределах которого я чувствую себя творцом действительности, <...> всякое слово есть заговор; заговаривая явление, я, в сущности, покоряю его» [Белый 1994: 132]. Очевидная концептуальная связь между идеями Белого о звуке 1909 и 1917 гг., на наш взгляд, указывает не на зависимость представлений Белого от взглядов Клюева (как предполагает С. И. Субботин в своей работе), а на знакомство Клюева с теургической концепцией Белого и его работами 1900-х гг.

Эту версию подтверждает и одноименная лекция Белого, которая предшествовала статье. Она была прочитана Белым 24 января

в Малом зале Московской консерватории. Записи «Жизнь без Аси» [НИОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 1] восстанавливают хронологические рамки написания лекции: с 17 по 24 января. Таким образом, мы можем определенно говорить о тех идеях и мифологемах, которые существовали в художественном сознании Белого незадолго до его встречи с Клюевым.

Материалы лекции сохранились, и опубликованы Е. В. Глуховой [Глухова 2011: 57–83]. Публикатор отмечает, что сохранившиеся наброски лекции «совпадают с напечатанным в “Скифах” вариантом лишь частично» [Глухова 2011: 57]. На наш взгляд, с концептуальной точки зрения, выводы Белого о художественной природе поэтического слова значительно не поменялись.

Главные тезисы лекции можно представить следующим образом:

— «обыденная наша речь уже давно потеряла свой смысл», и «обыденное слово <...> пусто» [Белый 2011: 69];

— «здравый смысл» противоположен живому поэтическому смыслу [Белый 2011: 70];

— смысл живого народного слова первоначально «лежал внутри корней слова» [Белый 2001: 70];

— «<в> корне слова заложена разгадка эстетики слова» [Белый 2011: 71];

— в звуковом образе слова дано «соединение миров»: мира тела и мира духа [Белый 2011: 71];

— «звук корня слова есть чудо духовности: соединение духа и плоти природы в одно» [Белый 2011: 71].

Последний тезис представляется особенно важным. С незначительными изменениями, касающимися формальной стороны, он будет звучать и в статье: «...Корни слов суть умения выражать нутром духа стихии при помощи звука <...>. Корень — творческий образ, соединяющий две стихии (природы и духа) в единую целостность» [Белый 1917: 160]. Представление о глубинной связи звуко-

вого образа слова с природным миром — еще одно концептуальное основание лекции, которое также образует и смысловое поле статьи. «Лесной бог Пан», «стихия слова» [Белый 2011: 78], «звуковая немота что-то тупо гласящего корня» [Белый 2011: 79], «глухие недра животного подсознания» [Белый 2011: 81] — все это метафорические определения фонетической оболочки слова, раскрывающие взгляды поэта на ее природ.

Конечно, Белый не случайно цитирует строки из стихотворения «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...» (на что обратил внимание и С. И. Субботин). На метафорическом языке высокой поэзии Клюев говорит о том же, о чем Белый размышляет на языке поэтической философии: о таинственной силе эстетического впечатления, которым обладает звук, о мистической связи звуковой оболочки слова с природным миром, о том, что «корень звука», говоря словами Белого из его лекции, «растет из духовного опыта, где этот корень есть внутренне произносимое имя» [Белый 2011: 79]. Внимание Белого к Клюеву объясняется тем, что творческий путь новокрестьянского поэта становился в некотором смысле оправданием горизонта ожиданий поэта-символиста, чаявшего прихода мистической правды от народного гения. Белый находил в поэтическом опыте новокрестьянского поэта блистательное подтверждение своим мифотворческим устремлениям — то чудо, о котором он писал в «Жезле Аарона»: «чудо слияния смысла, образа, звука в единую целостность “звукообраза”» [Белый 1917: 187].

Первые пореволюционные годы осмысливаются Белым как время возврата к «мистическим зорям» юности и к мифу о том, что народ несет в себе тайное знание, недоступное рафинированной элите.

Идея новой культуры стала определяющей для «скифского» периода в биографии Белого. Новая эпоха должна была начаться с разрешения конфликта между Востоком и Западом и завершиться

взаимным проникновением корневой народной культуры и культуры творческой интеллигенции. Поэзия Клюева стала для Белого знаком воплощения его собственного мифа. Поэт-символист так комментировал строки Клюева из «Песни Солнценосца» «Звонарь преисподней ударит в Монблан...»: «Ценности видений утонченнейших магов Европы — Монблан — перевернуты чашей сердечной в глубинах сознания народа» [Белый 1918: 9].

А. В. Лавров, опубликовавший в 2011 г. «Воспоминания странного человека» А. Белого приводит в комментариях к публикации фрагмент окончания текста, который, по мнению исследователя, не обнаруживает очевидных соответствий с «Воспоминаниями...» [Лавров 2011: 51]. В тексте цитируется поэма Клюева «Песнь Солнценосца». Белый использует строки из клюевской поэмы в качестве вдохновенной поэтической иллюстрации к своей концепции философии культуры и истории. Белый противопоставляет «здравый смысл», «рассудочную культуру» прошлого, приведшую к «катастрофе» настоящего, «крови из сердца» будущего:

Кровь из сердца нам бросилась в анемичный, рассудочный мозг; искры вспыхнули, высекаем мы свет из очей. Будет день: Солнце Духа, взойдя в сердце нашем, протянется из очей наших светом и отразится на зеркале небосвода: восходом Огромного Солнца; о нем сказал Клюев:

А красное солнце — миллионами рук
Подыдем над миром печали и мук

[РО ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 11: 91].

Именно Клюев в интерпретации Белого становится одним из провозвестников будущего «Царства Духа». Любопытна та интерпретация, которую Белый дает строкам Клюева «В потир отольются металлов пласты, // Чтоб солнца вкусили народы-Христы». Белый подчеркивает пророческий пафос в текстах Клюева и идею преобразования материи в дух: «Человечеству суждено разорваться, если оно

не поймет, что в металлах закованы “души природных существ”; освобождение и — переплавка продуктов природы из пушечных жерл в храмовые потиры» [РО ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 11: 91].

Фрагмент мог быть закончен не раньше мая 1917 г. и не позже октября 1917 г.: это хронологические рамки, в которых Клюевым была написана «Песнь Солнценосца». На наш взгляд, свое поэтическое воплощение в этом тексте получили идеи Белого: новая культура как единство разобщенных культур и создание новой действительности посредством совершенных и убедительных в своей силе художественных образов. Клюев писал поэму уже после знакомства с Белым. Известно, что 12 февраля 1917 г. он «присутствует на докладе Белого “Александрийский период и мы в освещении проблемы “Восток или Запад” на заседании Религиозно-философского общества» и «по приглашению докладчика читает свой “Новый псалом”» [Субботин 2010: 786].

Этот доклад сохранился в фонде Петербургского религиозно-философского общества, и был опубликован.

В докладе Белый выстраивает оппозицию: Восток — народная культура — знание сердца — подсознание (с одной стороны) и Запад — интеллигентская культура — деланье головы — сознание (с другой). Элементы одного ряда могут полностью себя реализовать в гармоничном единстве с элементами другого ряда. Символом первого ряда становится Аполон Аполонович Аблеухов (герой романа «Петербург»). Символом культуры Востока и народной культуры — плотник Кудеяров из «Серебряного голубя». Однако Кудеяров является воплощением стихии, не оплодотворенной Логосом. В революционные годы именно Клюев знаменует собой осуществление давних чаяний поэта-символиста: соединение стихии и логоса, Запада и Востока, интеллектуального опыта и потаенного народного знания. В предисловии к публикации клюевского стихотворения «Песнь Солнценосца» Белый пишет: «Сердце Клюева соединяет пасть пастуха правду с магической мудростью; Запад с Востоком; соеди-

няет воистину воздыхания четырех сторон Света» [Белый 1918: 10].

В докладе «Александрийский период и мы» Белый говорит то же самое: «Соединяются: ЗАПАД с ВОСТОКОМ; и — вера со знанием. В тело мира вырастает скелет мысли Слова» [Белый 1998: 264].

В «Песни Солнценосца» Клюев облакает в поэтическую форму идею Белого о синтезе культур:

Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг,
Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать
[Клюев 1999: 364].

В последних строках прочитывается очевидная переключка с метафорическим образом из стихотворения Белого периода «Золота в лазури», которое он цитирует в докладе «Александрийский период»: «В земле, упдающей глыбе, // О Небо, провижу Тебя» [Белый 1998: 264].

Особое место в мифологии Белого занимал образ Солнца. В докладе «Александрийский период и мы» Белый говорит о солнечном свете как о просветляющем сознание свете Логоса, свете Фаворском. В конечном итоге новое солнце означало на языке Белого «схождение Слова».

В пространстве стихотворения Клюева образ солнца также играет особую роль. «Песнь солнценосцев» — это песнь тех, кто «красное солнце миллионами рук» «подымет» «над миром печали и мук». Солнце становится символическим образом следующей «золотой» эры в эпохе человечества, и сам поэт сопричастен ее приближению:

Я же — в избе и в хлеву
Ткал золотую молву.

Поэт мыслит себя среди тех, кто творческим дерзновением творит новый мир:

Мы — рать солнценосцев на пупе земном —
Воздвигнем столбашенный, пламенный дом
[Клюев 1999: 364].

Думается, что в этих строках Клюева нашли свой отголосок идеи жизнотворческого искусства, которыми Белый был полон в революционные и пореволюционные годы и которые озвучивал, в частности, на своих лекциях.

Текст лекции «Творчество мира», которую Белый читал дважды, не сохранился. Однако оказывается возможной его частичная реконструкция на основании посвященных ей газетных откликов, собранных Белым и хранящихся в НИОР РГБ. Даты лекций обозначены на афишах, хранящихся также в фонде Белого. Московская лекция состоялась 1 декабря 1916 г., и на ней Клюев никак не мог быть, так как в это время ездил с выступлениями по югу России и Кавказу. Петербургская лекция Белого «Творчество мира состоялась» 16 февраля 1917 г. в Петроградском религиозно-философском обществе [НИОР РГБ. Ф. 25. К. 6. Ед. хр. 25]. Так как Клюев находился в это время в Петрограде, можно предположить, что он на этой лекции присутствовал.

Основной пафос лекции, как мы можем убедиться из имеющихся на нее откликов, заключался в следующей мысли: акт зарождения мироздания из хаоса повторяется в мыслительном акте познающего человека. Творчество мироздания начинается внутри человека [НИОР РГБ. Ф. 25. К. 7. Ед. хр. 1]. Если обратиться к программе московской лекции Белого [НИОР РГБ. Ф. 25. К. 6. Ед. хр. 25], то мы можем еще лучше уяснить себе логику развития рассуждений Белого. «Мысль оплотнившая мифом чрез посредство фантазии творит жизнь», — думается, что эта идея о связи мифотворчества

с житнетворчеством была необыкновенно близка Клюеву, так же, как главные тезисы лекции:

- «образование космоса в хаосе через слово мысли»;
- <единство> «магии мысли и слова».

Интересно, что Белый в 1917–1918 гг. ощущал житнетворческий и эстетический поиск Клюева настолько близким себе, что в тексте новокрестьянского поэта он обнаруживал антропософскую символику. В цитирувавшемся выше фрагменте из неустановленного источника Белый интерпретирует образ Солнца у Клюева в антропософском ключе: «В миг разрыва в нас “здорового, материального смысла” восходит заря: Солнце Разума подымается в нас» [Лавров 2011: 51]. Белый, обладавший фантастической памятью, не мог не помнить и свои беседы с Клюевым у Иванова-Разумника уже после того, как лекция «Жезл Аарона» была закончена, и то, что Клюев посетил его лекцию «Александрийский период и мы в освещении проблемы “Восток или Запад”» 12 февраля 1917 г. Это давало ему возможность включать тексты Клюева в свои работы и комментировать их практически в жанре автокомментария: настолько близким и «своим» казался поэту-символисту тот комплекс смыслов, который присутствует в текстах Клюева 1917–1918 гг.

Установка на поиск собственно текстуальных переключек стихотворения Клюева со статьями и лекциями Белого (даже сохранившимися), в известной степени, изначально представляется спорной в силу принципиально разных и ярко самобытных языковых культур обоих поэтов. Мы попытались проследить преемственность идей, которая осуществлялась Клюевым и реализовывалась в поэтическом пространстве, и которая доказывается очевидными концептуальными совпадениями в текстах обоих поэтов. Это, прежде всего, представление о том, что творчество мира начинается с творчества слов, идея о преобразующей мир силе звука, о культуре будущего, снимающий противоречия национальных культур.

СОКРАЩЕНИЯ

Белый 1917 — *Белый А.* Жезл Аарона. (О слове в поэзии) // Скифы. Пг., 1917. Вып. 1.

Белый — Иванову-Разумнику 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подгот. текста Т. В. Павлова, А. В. Лавров и Дж. Мальмстад. СПб., 1998.

Белый 1918 — *Белый А.* Песнь Солнценосца // Скифы. Пг., 1918. Вып. 2. С. 6–10.

Белый 1988 — *Белый А.* Александрийский период и мы в освещении проблемы «Восток и Запад». Доклад на заседании Петербургского религиозно-философского о-ва 12 февр. 1917 // Ариаварта. 1998. № 2 / Публ. М. С. Киктева. С. 257–278.

Белый 1994 — *Белый А.* Магия слов // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С.131–141

Белый 2011 — *Белый А.* <План лекции «Жезл Аарона»> / Предисл., публ. и примеч. Е. В. Глухова // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 67–84.

Глухова 2011 — *Глухова Е. В.* Лекция Андрея Белого «Жезл Аарона» // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 57–67.

Клюев 1999 — *Клюев Н.* Сердце Единорога. СПб., 1999.

Лавров 2011 — *Лавров А. В.* «Воспоминания странного человека» Андрея Белого // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Субботин 1988 — *Субботин С. И.* Андрей Белый и Николай Клюев. К истории творческих взаимоотношений // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации / Сост. С. С. Лесневский, А. А. Михайлов. М., 1988. С. 386–404.

Субботин 2010 — *Субботин С. И.* Николай Алексеевич Клюев (1884–1937). Хронологическая канва жизни творчества // Николай Клюев. Воспоминания современников / Сост. П. Е. Поберезкина. М., 2010. С. 765–821.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук.